

**Группа SilverCast представляет
фантастический рассказ
по мотивам музыкального альбома «Chaos Engines»**

ИМЯ ХАОСА

ГЛАВА 6

Демоны никогда не спят. Они почти никогда не лишаются сознания, какой бы сильной ни была боль. Они либо живы, либо мертвы. Но порой восприятие искажается, размывается и неверно интерпретирует происходящее. Иногда оно даже одевается в странную вуаль из полуреальных видений, которые стремятся куда-то унести, как-то скрыть действительность. Однако, чаще всего - и здесь Ювелир не был исключением - этого не происходит.

Он прекрасно помнил всё, что с ним происходило во время работы палачей. Понимал, осознавал, чувствовал в полной мере и молчал. Его не пытали. Первожрец ничего не хотел от него узнать. Его наказывали. Максимально жестоко, максимально болезненно, но он был жив. Его не убили, и Ювелир не понимал почему. Это было нелогичным. Это наверняка противоречило решению центра, но Первожрец остановил свой стилет в миллиметре от сердца Ювелира, а затем отдал приказ переправить его плачам. Антidot против отравы, попавшей в рану вместе с шипом Дракона, Ювелиру дали уже в подземелье, и если воспоминания и путались, то только до этого момента, а потом всё было слишком ясно, чтобы когда-либо забыть.

Анализируя воспоминания, Ювелир все больше акцентировал своё внимание на том, что вытащив стилет, Первожрец, не отрываясь, смотрел на статую Создателя. Может быть, в этом ответ? Возможно, то, что он, Ювелир, сделал, не было предательством? Или Первожрец поступил с ним так же, как Ювелир до того обошелся со своим подмастерьем?

Бедный механоид. Из-за демона были заняты все палачи, и никто не мог ему помочь справиться с собственным наказанием. Ювелир помнил и отметил для себя холодную решительность в глазах своего ученика, когда тот руками пытался порвать себе сухожилие ноги, уже разодрав ногтями кожу, мышцы. Палачи не доверили ему свои инструменты. Этот механоид - целеустремлённый, он обязательно добьётся того, что считает своей целью.

Никаких иллюзий. Каменный низкий потолок. Слишком низкий, чтобы подняться в полный рост, но Ювелир в любом случае уже никогда не смог бы встать. Естественные свойства, такие как регенерация, присущие ему, как им многим другим демонам, успешно купировались блокиратором. Ювелир пробовал говорить с душой, которая жила в самоцвете-блокираторе, но камень молчал. И, поскольку Предназначение ничем не может быть нейтрализовано, камень просто не шел на контакт. Видимо, Первожрец нашел способ ему запретить. Или душа сама по себе была такой. Ювелир пробовал вспомнить, что это за камень, чтобы найти к нему подход, но не мог – он просто не видел самоцвет до того, как тот оказался в его теле. Он тогда не думал о том, что может оказаться в подобной ситуации – не верил, что выживет и не пытался извернуться, чтобы увидеть камень. Он просто хотел помочь Дракону вылезти из той ямы, в которую сам же и позвал за собой.

Если бы они с Первожрецом были противниками и если бы Первожрец планировал растянуть мучения Ювелира на многие столетия, то сейчас за Ювелиром осталась бы маленькая победа. Но это было не так.

Началась лихорадка. Нестерпимо хотелось пить, но воды, конечно, не было. Ювелир ещё пытался думать, анализировать, но под конец всё же бросил и просто сосредоточился на том, чтобы дышать. Это было непросто, приходилось преодолевать какое-то

внутреннее сопротивление, но всё же приятно от того, что получалось. Ему казалось, что он ещё сражается за жизнь. Потом, по всей видимости, заглушенная регенеративная система дала окончательный сбой.

Боль ушла, но с ней ушли и все остальные ощущения. Дышать по-прежнему было тяжело, но Ювелир начал отвлекаться от этого контроля и всё глубже уходить в своих мыслях от происходящего. Время играло на его стороне – если Первозрец не вспомнит о нём, то Ювелир может успеть умереть. Сейчас ему легко было представить, что рядом его возлюбленная, что на той стороне, понимающе улыбаясь, его ждёт Дракон, что Линора простила его, и она, взяв крепко за руку Коду, передала ей, словно солнечный свет, свой дар прощения. Пить уже больше не хотелось. Несмотря на то, что крупные раны были предусмотрительно прижжены палачами, по полу всё равно неспешно расползлось кровавое пятно. Привлечённые запахом, местные обитатели уже начали выползать из своих нор. Чужая смерть, они ничего не опасались.

Ювелир глубоко вздохнул и открыл глаза. Потолок был плохо виден. Чувство усталости манило, как мягкая перина. Всё встало на свои места. Ювелир умер.

Крепкие холодные руки с сухой грубой кожей крепко держали его за предплечье. И через эти руки в тело лилась нестерпимая боль, через них втекал в лёгкие обожжённый воздух и первозданный страх. Он так боялся Хаоса в начале времён, когда втроём с Первозрецом и Конструктором они наспех, путаясь и мешая друг другу, возводили из случайно выхваченных из Хаоса материалов первую машину творения. Дикий, концентрированный ужас, который присутствовал рядом, который всей своей неназванной силой противостоял их немогости. Ужас, при котором невозможно мыслить, можно лишь действовать рефлекторно, отчаянно, сильно. И только нескладная машина, которая постоянно ломалась и делала не то, что нужно, помогала им противостоять этому безумию, она оставалась между ними и ничем. А сейчас её нет. Сейчас Хаос, Хаос один перед глазами. Не стонающий угнетённый зверь, терзаемый светом и железом, а хозяин, Враг этого мира. Воплощённое безумие, Отец всех существующих кошмаров. Хаос был в лёгких, он был под кожей, он победил, уничтожил всё вокруг.

- Тише. Тише, - раздался над ухом мерзкий старушечий голос, - дыши. Вдох, - Ювелир рефлекторно подчинился, - выдох... - Ювелир не смог. Не получилось. Грудная клетка не слушалась. Не сжималась. Ну, конечно же, она не могла. Там же Хаос.

- Эй, эй, не дёргай. Выдох. Давай, - не получалось. К горлу подкатила паника, нужно было вырваться, но он не знал как, а нужно, отчаянно нужно! Последовал удар, и воздух вышел из лёгких смесью кашля и рвоты. Ювелир понял, что упал, потому что руки опёрлись о твёрдую поверхность, и снова судорожно заглотил воздух. Выдохнуть опять не получалось, но страха было уже меньше. Чьи-то сухие руки, больше напоминающие палки, обтянутые кожей, снова обняли, поддерживая его, и теперь он доверился, прижавшись к острому костлявому плечу, и, навалившись на него, выдохнул. И снова вдохнул.

Нос и лёгкие забил резкий неприятный запах подземелья. Как-то сами собой выступили слёзы. Не от запаха. И не от боли. Просто сами собой, их легко было смагивать. И, третий раз вздохнув, Ювелир понял, что жив. Он обмяк. Совсем не было сил. Ужасно хотелось опять почувствовать эту зовущую усталость, закрыть глаза и отдохнуть.

- Всё, дышишь?

- Да, - промямлил Ювелир, стараясь сделать это как можно чётче. Не вышло, естественно.

- Тогда слась с меня, - проскрежетал ворчливо голос, и руки-палки оттолкнули его к стене. На счастье, тесная камера состояла из почти одного сплошного угла, и демон легко смог найти более-менее удобное положение, подтянув к себе ноги, и прислонив голову к боковой стене.

Картинка перед глазами была размытая, но, приглядевшись, он смог вполне сносно различить фигуру, которая сидела перед ним, как-то юродливо скрючившись. Она была мелкая, закутанная в дорого ценящуюся в мире лёгкую шерстяную ткань, покрывавшую тело в несколько слоёв так, будто старухе вечно было холодно. Повсюду на одежде был граненый хрусталь из Сада, и даже настоящие самоцветы. Ювелир мысленно потянулся к ним, но сил вступить в контакт с душами не хватило. Из-под наброшенного на голову капюшона на Ювелира смотрели два темных, влажных, глубоко утопленных в худощавое лицо, злобных глаза, которые можно было различить благодаря тусклому свету, падавшему сбоку, из коридора между камерами.

Думать не выходило, но по телу разлилось какое-то тяжелое спокойствие. Боли всё ещё не было, но он снова чувствовал своё тело. Ювелир всё-таки закрыл глаза и привычно быстро начал уходить внутрь себя, просто следя за тем, как курсирует вокруг него воздух и влага. Он снова умирал. Это было очень приятно. Именно то, чего хотелось.

- На, держи, - в него попало метко брошенное в голову нечто.

Был какой-то звук, благодаря которому Ювелир понял, что отчаянно нуждается в этом предмете. Плохо ориентируясь вокруг, будто с того момента, как он закрыл глаза, прошли столетия. Ювелир начал шарить в поисках этого предмета. Руки не слушались, но эта вещь была ему очень нужна. Просто необходима, и он знал почему, но не мог вспомнить нужные слова.

Нашел. Железное. Холодное, но слишком лёгкое для того, чтобы быть полностью из железа. Это именно то, что нужно. Здесь есть выступ. Это... там вода. Там вода! Это фляга. Делая глоток за глотком, он успокаивался тем, что вспомнил слова – это фляга и это вода.

- Еды не дам, - проскрежетало существо, - и воды тоже. Больше не получишь.

Сейчас казалось каким-то безумным превращение первого клочка Порядка в Храм и мир. Сейчас было совершенно неизвестно как, какими удивительными силами одно смогло стать другим. Как был побеждён Враг? Как он был подчинён и унижен до того, чтобы показываться только там, в Зале Творения, когда раньше он был повсюду, когда раньше только он и был? Очень хотелось шаг за шагом вспомнить все предпринятые усилия, все правильные ответы, но в голове от чего-то оказались лишь отвергнутые чертежи, и там, за пределами Хаоса, в небывалой стране, где нет Врага, стояли и манили к себе ужасом несбывшихся чаяний сотни Храмов, которые он, Ювелир, не построил.

- Я тебя знаю, - произнёс демон, уронив на пол пустой сосуд, который, повинувшись еле заметному движению его собеседницы, тут же исчез. Не намереваясь дальше продолжать разговор, Ювелир снова закрыл глаза. Но теперь смерть больше его не манила. Сейчас он просто сидел, привалившись к стене с закрытыми глазами, и отдыхал. Существо в его камере всё также неподвижно находилось рядом, - но я думал, - через некоторое время всё же произнёс демон, - что ты такая, как тебя рисуют.

- Конечно, ты ж у нас любимчик Создателя. Правая рука Первожреца, - сварливый старушечий голос резал слух. - С чего бы тебе со мной знаться? После того, как ты придёшь, мне уже делать нечего, так что встречаться у нас и повода нет. Пойди, спаси кого-то, у кого уже забрали душу, - старуха произносила слова так, словно бы выплёвывала их, и Ювелиру показалось, что демонесса собирается исчезнуть.

- Нет, неправда, - горячо запротестовал Ювелир. Он ухитрился крепко схватить демонессу за желтушную, словно пергаментную руку, от чего всем телом оказался на полу и поднял на неё глаза. От усилия, с которым он пытался держать голову над полом, на лбу проступила испарина, но все силы, которые он успел в себе скопить, он бросил на то, чтобы не отпускать её ни жестом, ни взглядом. Извиниться в этот короткий момент, сказать ту правду, которая оказалась невысказанной, для него стало важнее, чем само выживание. Он стиснул кисть, и этот единственный захват стал крепче железного обруча. - Я вспомнил, - старуха дёрнула запястье, но освободиться не смогла и ядовито

ухмыльнулась, растянув тонкие, словно карандашная черточка, губы, – ты уже спасала меня. Это было на заре Храма, на заре самой жизни. Ты укрыла нас от Хаоса. Ты помнишь, помнишь?!

- Ну... ладно, - старуха заметно смягчилась, и Ювелир снова почувствовал, что она помогает ему подняться и прислониться к стене. Теперь он полностью доверял ей, дышать снова стало тяжело, но её поддержка отчего-то стала почти мягкой и придавала сил. - Это было... на заре мира, и я тогда действительно спасла тебя. Ещё я спасла Конструктора и Первозреца. Вы трое были названными братьями друг другу, а я вам – единственной сестрой. Более молодые демоны больше никогда не связывали себя узами названного родства, даже если, как вы, были сотворены одновременно. Потом один брат убил другого с твоей помощью. И только я плакала по нему. Говорят, что ты так и не смог примириться с его смертью, но плакала я одна. Я спасала многих, кого ты потом убил. Иногда мне казалось, что я спасаю их именно для тебя, - прошептала она и устроилась рядом с ним. В её тоне, несмотря на слова, всё-таки звучал отголосок добра, и Ювелир доверчиво положил голову на её костлявое плечо. - Я постарела, а вы нет. Вы такие же, как были. Ни старых ран, ни старых счетов. Я спасала вас от Хаоса, спасла тебя тогда, после битвы с Конструктором. Но что таить правду, нас обоих – меня и Первозреца – не интересовала твоя жизнь, мы просто боялись за свою уникальность, боялись, что ты нам, когда придёт время, не поможешь. И сейчас я сохранила тебе жизнь, не желая добра. Я не такая, как Исцелитель. Я не врач, который только лечит. Ведь милосердие – это обоюдоострое оружие. И я на смерть тебя спасла, ты ведь знаешь это.

Ткань, из которой состояла её одежда, была мягкой, уютной и тонко пахла далёкими землями. Этот запах странно контрастировал с тем, что происходило вокруг. Он был тёплым и родным. Ювелир, конечно, знал, что такие дорогие шерстяные ткани, в которые вечно куталась Длань Милосердия, пропитывают специальным составом, придающим им шелковистую мягкость, и именно он так пахнет. Но сейчас этот запах меньше всего ассоциировался с химическими цехами. Сейчас он был запахом боли, которая ждала его после того, как к нему вернуться силы. Но эта боль не будет похожа ни на что такое, что он испытывал раньше. В ней будет смысл. Эта боль будет как путешествие. По мере того, как мышление обретало ясность, Ювелир всё чётче осознавал – кроме Линоры его никто не простил. Он один, один виновен.

Они долго молча сидели, пока Ювелир отдыхал, и демонесса, прямо держа спину, смотрела строго перед собой.

Огранщик очень медленно, очень неуклюже и совершенно неэстетично поднялся на строительные леса, чтобы представиться ученику мастера. Мерзкий пот, его вечное проклятье, при малейшем физическом усилии принимался заливать глаза, и сейчас от него не было никакого спасения.

Рика вежливо предложил ему руку, но помощник Ювелира, постеснявшись своей влажной ладони, обошелся без помощи. Наконец, он влез на устойчивую площадку и с облегчением посмотрел на купол, схемы расположения камней в котором он проектировал всю свою сознательную жизнь. Это зрелище захватывало. Такого огромного устройства в Храме нигде не было и долго ещё не будет. Это конец эры тьмы, начало эры света.

Его створки-лепестки имели идеальную округлую форму и были украшены сусальным золотом, серебром и россыпью мелких рудных самоцветов, но скрытая внутри этих створок сложнейшая сеть самоцветов естественного происхождения, самоцветов-душ, была в своей функциональной совершенности ещё красивее. Тысячи големов сейчас трудились над его установкой. Казалось, купол сияет даже здесь, при этом тусклом искусственном освещении масляных ламп.

- Я рад вас приветствовать, - напористым тоном поздоровался с учеником мастера механоид, боясь выдать своё волнение. - Доложите о степени завершенности работ по установке устройства.

- Устройство готово на...

- Постой, мальчик, - прервал своего ученика сам мастер, подходя к ним, - этот механоид явился к нам от своего господина как раб, а не как инспектирующее лицо. Если он что-то хочет спросить, пусть спросит, как положено рабу.

Подмастерье Ювелира не знал, что его раздражило больше – то, что говорил мастер, или его мягкий покровительственный, почти родительский тон. Его всегда интересовало чужое мнение, маниакально интересовало. Но так хотелось, наконец, начать высказывать своё. Высказывать так, чтобы других оно тоже пристально, магнетично интересовало. Тем не менее, он произвёл в отношении мастера и его ученика знаки приветствия и почтения, а в отношении мастера также знак подчинения.

Мастер кивнул и, не сказав больше ни слова, удалился по своим делам. Его ученик попытался что-то объяснить подмастерью Ювелира, но, как всегда, в момент смущения не смог подобрать нужных слов и даже немного обрадовался, когда мастер его окликнул. Весь остальной день до самого вечера он был так увлечён процессом установки, что совсем забыл о вновь прибывшем к ним на помощь механоиде.

Установка и черновая отладка были почти завершены, и органическое сердце юноши буквально kloкотало от напора разнообразного сочетания чувств, которые в обычной жизни друг с другом не встречались. Впрочем, откуда в маленьком шахтёрском городке, полностью завязанном на добыче и отправке полезной руды, сразу взяться стольким эмоциям? Вся предыдущая его жизнь была как один большой день, который закончился, и теперь каждое новое утро напоминало ему отдельную, ни на что не похожую, сияющую и совершенно невозможную жизнь.

Когда же установка и основной этап черновой отладки были закончены, мастер остался для проведения незначительного объёма работ, а ученика отпустил отдохнуть, юноша вспомнил об оставшемся без дела подмастерье. Будучи не в силах заснуть, механоид отправился к тому месту, где повстречался с ним утром, и не удивился, обнаружив ученика Ювелира именно там. Всё ещё смущаясь, он присел на настил лесов рядом с ним, свесив вниз ноги.

- Не обижайтесь на него, - начал он кое-как разговор, - на самом деле у него большая душа.

- Да, - холодно ответил его подмастерье Ювелира, и Рика захотел уйти. Но, поскольку спать всё равно не хотелось, а из собеседников здесь, под куполом, были только мастер и големы, а последние почти все были лишены голосового устройства, то всё же решил попытаться ещё раз наладить беседу.

- Волнуетесь перед приходом нового Ювелира?

- Нет, - был ему сухой ответ. Рика грустно кивнул и всё же решил пойти и попытаться отдохнуть. Он уже начал подниматься, но следующая фраза ученика Ювелира его остановила. - Старый ещё никуда не исчез. Когда доставят контрольный камень?

- Что доставят?

- Александрит в первый лепесток, - пояснил подмастерье Ювелира, недовольный тем, что ему приходится идти на контакт, - контрольный камень, который будет играть роль пускового механизма и отвечать за ручное управление. Вас вызвали для установки купола, как только его получили, и господин уже его подготовил, - плохо скрывая своё раздражение, сообщил он собеседнику.

- Я о нём не знал, - осторожно ответил ученик мастера, но уходит передумал.

- Понятно, - с этой фразой они снова погрузились в тишину.

Через некоторое время ученик мастера решил задать свой вопрос.

- Так, значит, старого Ювелира не убили?

- Нет, я видел его в подземельях, там, где палачи. Когда с ним закончили, он был жив. Не знаю, правда, как.

- Как вы думаете, почему?

- Я думаю потому, что энергетическое воздействие при приходе нового Ювелира может помешать своевременной установке купола, - огранщик сказал это всё так же резко, не понимая, зачем он должен пояснять очевидные вещи.

- Ну да, вы, вероятно, правы.

- Вас это огорчает?

- Не то, что бы... просто... я думал, что это всё может быть очень... интересным.

- Что именно?

- Все эти идеи. Делать что хочешь, как хочешь... вероятно, я бы даже сражался за это...

- И что бы ты хотел делать?

- Завтра я хотел бы установить александрит в первый лепесток и запустить купол! – Выпалил свои мысли юноша, не заметив переход на менее уважительный тон.

- Для этого ни с кем не надо сражаться, можно просто делать, что делаешь, - голос помощника Ювелира из резкого стал каким-то отстранённо грустным.

- Да, но я всегда хотел делать именно что-то подобное! А сам был сотрудником при перевозке полезной руды – занимался погрузкой и разгрузкой. Меня даже не назначали в ученики.

- Я вдвое, а то и втрое старше тебя, и всю жизнь делал только это, - он махнул рукой в сторону купола. - Это ключ к завершению творения, это абсолютное оружие против Врага, а получил я вместо звания мастера вот это, - он в сердцах ткнул себя по изуродованной ноге, скривившись при этом от боли. Его лицо на мгновение исказилось в злобной гримасе, но ей на смену тут же пришла грусть. - Я не знаю вас и, думаю, поэтому могу вам столько рассказать, ведь понимаю, что скоро нас с вами разведёт судьба. У этого Храма миллион творцов, и все они живут, пока живёт мой наставник и господин. Только он помнит их имена. Мы не можем понять мотивов демонов. Может быть, этим мастерам в памяти Ювелира жить осталось пару часов, может быть ещё миллионы лет. Мне же до этого нет печали - из моей души выйдет хороший хризопраз, так он сказал, но моя смерть при этом будет окончательной. Никто не вспомнит моего имени, — огранщик невесело улыбнулся. — За все эти годы Ювелир даже не спросил, как меня зовут. Когда я прибыл для обучения в Храм, у него была ассистентка по имени Айлин. Он был во всём добр к ней. Она не была умнее меня, не была талантливее и меньше работала, но Ювелир делился с ней планами, интересовался её мнением по пустякам. Их рабочие столы стояли друг напротив друга, а в последний день я видел, как он попрощался с ней. Я услышал шум и вошел в комнату мастерской, в которой они работали. Господин, видимо, услышав, что я открыл дверь, повернулся и посмотрел мне в глаза. От этого взгляда у меня всё сжалось внутри: это был не злобный, но вместе с тем жуткий в своей пронизательности взгляд. Я почувствовал, насколько лишним было моё появление. Она была у него на руках бледная, дрожащая, но я знаю, она была счастлива – так нежно она касалась пальцами его лица. Пусть в его объятиях она мне напоминала карандашный набросок, была как будто ненастоящей, но я видел только то, чего у меня никогда не будет. Никогда. В следующий момент они исчезли. Он забрал свою любимую ученицу куда-то, откуда она уже не вернулась в Храм. На следующий день вся мастерская оказалась в моём распоряжении — одна большая пустая комната, изменившаяся до неузнаваемости за ночь. Ювелир с тех пор работает в другом крыле Храма, недалеко от Зала-над-Пустотой, там, где Танцующая. Работал. Скоро его убьют.

- Может быть, следующий демон будет добрее к вам?

- Вы росли в семье или в работном доме? – сменил тему огранщик, посмотрев на своего собеседника с интересом.

– Мои родители решили растить меня сами, у них было на это время согласно рабочему расписанию.

– Так скажите, вас любили родители? А если нет, но вас бы любили другие люди, вам эта любовь заменила бы родительскую?

– Конечно, меня любили родители, но я не очень замечал их любовь. Навсегда мы простились, когда они получили новое назначение. Мне было тогда не больше двадцати восьми, но ещё до того мы встречались редко — смены были в разное время суток.

– Я не знал своих родителей. У меня не было других наставников. Никого. И всё, что я делал — это работал, не зная, нужны ли мои действия кому-то. Не получая ни отклика, ни оценки. Но если бы у меня была свобода выбора, я всё это бы принял, все сделал бы так же. Зачем что-то менять, зачем разрушать то, что было? Одинокое или нет, я нашел своё место, но теперь больше нет и его.

– Я мог бы помнить ваше имя.

– Нет, не могли бы. Я сам его уже забыл, - приняв свою последнюю фразу за злую шутку, которую с ним сыграло время, оградчик громко расхохотался. Рика испугался этого смеха, но чувство жалости не дало ему проявить этот страх. Устав смеяться, подмастерье отвернулся и тихо продолжил. - Вашему мастеру не понравился тон моего голоса. При этом этот специалист даже не знал, какой камень должен быть вставлен в первый лепесток.

- С этой информацией мы ждали вас. Ювелиру почему-то было выгодно, чтобы мастер считал, что место в первом лепестке займёт он сам.

- Я... не понимаю демонов до конца. Наверное, я должен перед вами... извиниться.

- Не стоит, - напряжение наконец-то спало, и ученик мастера расслабился, - а отсюда здорово смотреть на Хаос, правда?

Ученик Ювелира хотел согласиться, но ему на плечо легла узловатая рука мастера.

- Для установки твоего александрита нужны какие-либо дополнительные работы?

- Необходимо...

- Да или нет?

- Да.

- Иди и работай. Утром отчитаешься.

Не без значительных усилий, ученик Ювелира встал и захромал в сторону первого лепестка. Проводив его взглядом, мастер сел на леса рядом со своим учеником и налил из термоса кипятка себе в чашку.

- Чудесный вид на Хаос, - начал беседу он, - вы не находите?..

Ученик мастера улыбнулся и снова посмотрел туда, вперёд. От шума работающих машин творения становилось уютно на душе. Какое-то странное и донельзя тёплое чувство единения с собой. Рыжевато-желтая противоположность одиночеству. Купол высился, поблёскивая в редких очагах искусственного света, и больше всего сейчас напоминал отеческие ладони, которыми Храм укрывал этот зал, как небосвод заботливо укрывает спящий мир.

- Там, где я рос... точнее там, где я работал раньше, - поправился подмастерье, - мы любили прыгать в особенные широкие шурфы, летели вниз, а потом хватались за случайные перекрытия. Конечно, так делали только мы, с механическими руками, но я думаю, делать это бы хотели все – так это было здорово. Там темнота и ветер. Ты забываешь на какое-то время, что это падение, и думаешь – это полёт.

- Всё так, это правда. Полёт, - улыбнулся мастер, скрывая за добрыми глазами грусть. Светлую, чистую до самой последней капли. То, что помнится – это хорошее. Это хорошее, значит – жизнь, просочившаяся между пальцев, прошла всё-таки не зря.

Небо над запретными городами было таким же, как и небо над остальным миром. Солнце сияло ясно на звеняще высоком небосводе, тени разрушенных зданий четко

ложились на землю, уже тронутую побегами ранней травы. Мёртвое к мёртвому. Остовы погибших машин вырисовывались при таком ярком свете лучше обычного, но они уже не трогали сердце Ювелира печалью. За месяцы, проведённые здесь, он к ним, к своему глубокому сожалению, уже привык. Но теперь его путь подходил к концу.

Ещё несколько шагов, и он переступил незримую грань защитного поля и через несколько метров оказался вне запретных городов. Теперь блокирующие свойства щитов больше не мешали ему возвратиться назад, в Храм.

Ювелир снял респиратор и позволил себе, наконец, вздохнуть полной грудью, но скоро закашлялся. На перчатке осталась кровь. Он снял рюкзак и вслед за ним скинул походный плащ со свинцовыми вставками, почувствовав на плечах непривычную лёгкость. Под рубашку сразу же забрался прохладный ветерок, столь характерный для ранней весны.

Верхнюю одежду, как и другие средства защиты, демон пристегнул к рюкзаку и, размахнувшись, отправил вещи по широкой дуге назад, в границы запретных городов. Слишком опасно было держать их в миру и, тем более, в Храме.

На землю под ногами Ювелира легла крупная тень, которая увеличивалась с каждой секундой. Демон поднял глаза на небо и устало вздохнул, на этот раз, не позволив себе сделать это слишком глубоко.

- Нашел меня, жестянка бестолковая, - поздоровался он с грациозно опустившимся рядом Драконом.

- Это было несложно. Ты очень предсказуем, как и всегда.

- Айлин.

- Прибежала ко мне сразу же, когда увидела твой рабочий стол в идеальном порядке. Это явление перепугало весь Храм, знаешь ли.

- Она дура.

- Она просто механоид, и рассуждает соответственно. Ты перестал интересоваться Храмом, никому ничего не рассказывал, круглые сутки проводил в проектной мастерской брата, а затем привёл дела в порядок и исчез в преддверии зимы. Есть о чём волноваться.

- Иногда обстоятельства вынуждают меня тщательно планировать прогулки. Даже имея все чертежи Храма Хаоса, я потратил на поиск украденных Конструктором самоцветов больше времени, чем рассчитывал.

- Так ты их нашел? – Дракон перемялся с ноги на ногу, признавая себе в том, что не знает, какой ответ сейчас хочет услышать больше.

- Все, что уцелели. Некоторые раскололись, но их ещё можно использовать. Но бриллиант из твоего сердца рассыпался в пыль, Дракон. Я не покидал развалин Храма Хаоса, пока не выяснил этого со всей возможной точностью. Таким образом, у меня около трёх-четырёх, может быть, пяти поколений для того, чтобы найти тебе камень на замену. И в текущем поколении алмазных душ нет, но я что-нибудь придумаю. Я найду способ спасти тебе жизнь, Хранитель.

- Я знал, на что шел, отдавая Конструктору бриллиант, но не представлял, зачем ему понадобился камень из моего сердца, поверь.

- Первожрец простил тебя, значит, не мне сердиться. Я не хочу знать, как тебе удалось обмануть меня, и заменить крупный камень на бриллиант минимально допустимого значения, но скажи мне, Хранитель, за что ты продал своё сердце?

- Он отдал мне розу. Ту механическую розу, которую я любил.

- Она увяла!

- Она цвела, - огорченно выдохнул Дракон и неторопливо направился вдоль невидимой границы между живым и мёртвым. Ювелир, отложив своё возвращение в Храм ещё ненадолго, присоединился к нему, положив руку на шкуру, покрытую серебряной филигранью. И так, вдоль границы погибших городов, они шли некоторое время молча, но потом Хранитель вновь заговорил:

- За время твоего отсутствия, произошло обрушение перекрытий в одном из крупных залов Храма. Это произошло по ошибке нового Конструктора. Есть жертвы.

- Он молод, - отмахнулся от новости Ювелир, - это всегда проходит.

- Он нуждается в наставнике.

- Я не смогу.

- Однажды тебе придётся проститься со мной навсегда, мой друг. И скоро тебе придётся его обучить.

- Но не сегодня.

Дракон тепло посмотрел на друга и прильнул к земле.

- Может быть, я просто перенесу нас обоих в Храм мгновенно? – предложил альтернативу Ювелир, но Дракон не шелохнулся.

Демон улыбнулся чуть заметно и занял место на его спине. Хранитель сразу же расправил хрустальные крылья, сверкнувшие на ласковом весеннем солнце, и, сделав мощный взмах, оторвался от земли. Пригнувшись низко к серебристой шкуре, каждая чешуйка которой имела неповторимый узор, Ювелир позволил себе признать, что устал, и прикрыл ненадолго глаза, слушая, как шумит вокруг ветер.

- Я могу забрать и эту боль, - слышался над ухом голос Длани Милосердия, и на этот раз он казался действительно участливым. Воздух подземелья удушливый, затхлый. Гомон работающего Храма был так непривычно далеко, к нему так сложно было прислушаться и так тяжело тянуться.

- Если ты хочешь, - вновь повторила предложение старуха, - я могу забрать эту боль.

- Нет, - выдохнул Ювелир, стараясь удержать в память шум стихшего шестьсот лет назад ветра, - она моя.

Продолжение следует...

*Нелле
Санкт-Петербург, 2012*